УДК 821(73).09

Декань К.Ю.
студентка 1 курса магистратуры
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте
Чемезова Е.Р.
к. филол. н., доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация: В данной статье дается описание магического реализма как литературного феномена. Основным направлением исследования является рассмотрение ключевых моментов магического реализма, которые указывают на картину мира и действительность в произведениях. С помощью магического реализма видно, что опора идет на вечные, вневременные мифически-фольклорные особенности, основы и аспекты бытия, где в свою очередь историческое бытие теряется и растворяется, лишается своих определяющих функций и очертаний, мир просматривается через мифически-магическую призму.

Ключевые слова: магический реализм, литературоведение, феномен, латиноамериканская литература, картина мира.

Annotation: This article describes magical realism as a literary phenomenon. The main focus of the study is to consider the key points of magical realism, which indicates the picture of the world and the reality in the works. With the help of magic realism it can be seen that the support goes to the timeless, eternal, mythic-folkloric

features of the framework and aspects of being, where historical existence is lost, it loses its defining functions and shapes, the world is viewed through the mythical-magical perspective.

Keywords: magical realism, literary studies, phenomenon, Latin American literature, world picture.

Магический реализм является художественным методом, появившимся в XX в., ставшим ответным воздействием современного искусства на новую, живо меняющуюся картину мира и непростую многоплановую действительность. Впервые ввел термин в обиход немецкий искусствовед Франц Роо, живший в первой половине XX в. Он призывает применять термин «магический реализм», который лучше обращает внимание на новшество надвигающейся художественной эпохи, хотя и теряет указания на временную соотнесенность с экспрессионизмом.

Относительно литературы термин «магический реализм», впервые был использован критиком из Франции Эдмоном Жалу в 1931 году. Э. Жалу писал, что «роль магического реализма состоит в отыскании в реальности того, что есть в ней странного, лирического и даже фантастического – тех элементов, благодаря которым повседневная жизнь становится доступной поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим преображениям» [3].

Магический реализм не является неким, так сказать, побочным сопутствующим течением в литературно-художественной жизни XX столетия. А наоборот, это течение, сквозь призму которого, возможно, присматривается не только основная проблематика XX века в целом, но и протягиваются связующие нити в предшествовавшие столетия, и даже, может быть, в будущие.

Целью данного исследования является описать магический реализм как литературный феномен.

Магический реализм существует наряду с другими течениями и направлениями – некоторые черты сближают его, например, с экзистенциализмом. Наиболее отчужден он от социалистического реализма, в

котором тоже была своя «магия», но «магия», вытекавшая из степени абсолютизации сиюминутно исторической, идеологической стороны действительности, из того «зазора», который возникал между реальностью жизни и реальностью мира произведения социалистического реализма.

А. Гугнин говорил о том, что эпитет «магический», в первую очередь, наряду с первоначальной, внешней реальностью, имеет в себе еще одну, таинственную и неразъяснимую, спрятанную от рядового читателя часть реальности, которую автор должен обнаружить и «реалистически» передать в своем произведении. А во-вторых, «магической» является сама способность писателя, которая может опять «соединить воедино распавшийся и обособившийся мир предметов и человеческих отношений, вдохнуть в него смысл, создавая тем самым новую модель взаимосвязей мира и человека» [2].

Магический реализм как литературное течение практически ничем не пользовался из арсенала реализма и даже натурализма, когда речь шла об описании деталей и отдельных эпизодов, но в то же время он использовал целый ряд специфических приемов, позволявших увидеть реалистические детали и эпизоды в совершенно ином свете. Элементы реализма в рамках магического реализма приобрели роль художественного приема, хотя и важного, но подчиненного более глобальной задаче, встроенного в совершенно другой и с традиционной точки зрения скорее фантастический контекст. Этот контекст характеризуется некоторыми общими чертами, которые по отдельности возникали в разных литературах задолго до магического реализма, но лишь в совокупности определили его специфический облик.

Магическим реализмом не редко называют те явления, которые как будто бы потеряли свою первичную преемственность. Но он с завидным постоянством вновь и вновь возрождается в литературе и живописи XX века и заставляет внимательнее приглядываться не просто к самому феномену, но и к требующему внимания всему духовному контексту уходящего века, можно сказать переходного. Обзор проблематики магического реализма не является специальным исследованием с четко заявленной методологией.

Неоднозначность и размытость самого направления заставляет отыскивать самобытные способы его описания. Такое описание, в данном случае, включает в себя пару аспектов. В первую очередь это определенное количество эмпирических фактов – чтобы читатель всегда мог определить, какие именно конкретные явления служат основой для последующих рассуждений. А во вторую – это попытки построения контекстов разных уровней.

Пика популяризации магический реализм достиг в 60–70е гг., в этап «латиноамериканского бума», и сегодня устанавливает одно из самых занимательных течений прозы Латинской америки. Франц Роо обозначил специфику работ таких писателей, как Эрнст, Кирико, Магритт и др, анализируя их творчество в своей монографии «Постэкспрессионизм (магический реализм): проблема новой европейской живописи». Их своеобразие лежит в том, что они демонстрировали обыкновенные явления в необыкновенной форме, открывали их скрытый волшебный смысл. Для них магия словно являлась утаенной от внешнего взаимодействия изнаночной стороной реальности.

А. Кофман, изучая действие мифологических черт в латиноамериканском художественном понимании, обнаружил присутствие одной характерной латиноамериканской ментальности детали – непохожести, проявляющейся в выходе за европейские границы, нормы и каноны.

Изучая эту же проблему, Ю. Гирин справедливо замечает, что мировоззрение европейца XV в., жившего в обществе, основанном на традиции, подчинялось иерархически выстроенной системе понятий и нормативов, формировавших общую упорядоченную картину мира. Магический реализм являлся направлением и в итальянской литературе 1920х годов. Фундамент начала течения был основан на вопросах в 1927-1928 гг., появившихся в печатном издании писателя М. Бонтемпелли «Новеченто», где издавались и писатели из других стран. В 50-70е года были обозначены следующие латиноамериканские писатели, чьи работы функционируют как раз в концепции магического реализма: Карлос Фуэнтес, Аугусто Роа Бастос, Хулио Кортасар,

Габриэль Гарсиа Маркес, Марио Варгас Льоса, Хорхе Луис Борхес. Собственно, перечисленные деятели и являются известными «классическими» представителя данного явления. В наибольшей степени прославившимся образцом магического реализма считается роман «Сто лет одиночества» колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса.

Раскрывая особенности магического реализма, стоит затронуть тему идеологической борьбы XX века среди писателей. Из огромного потока писателей и художников, которых мы относим к числу модернистов, достаточно легко вычисляется авангард. Авангардистов как магнитом тянуло в политику, и тут не так уж и важно кого они поддерживали: коммунистов, социал-националистов или анархистов. Так разделились футуристы, экспрессионисты, сюрреалисты, веристы, дадаисты и т. д. Вот список писателей, которых литературная критика и специальные исследования относят к магическому реализму: Вильгельм Леман, Герман Казак, Эрнст Юнгер, Элизабет Ланггессер, Фридо Лампе, Фридрих Георг Юнгер, Марта Заальфельд, Эрнст Кройдер, Хорст Ланге, Мартин Рашке, Георг Иммануэль Зайко, Йохан Ден.

Как правило, произведения магического реализма разворачиваются в замкнутом, ограниченном пространстве, и не имеет значение узкое оно или обширное, где действуют свои не писанные правила, непреложные законы. И не важно, дает ли автор какие-либо выходы на свою историческую эпоху, или не дает. Ведь само это магическое пространство показывает нам, позволяет, вольно или невольно, видеть ее с совершенно другой стороны и в другом освещении. Объяснение кроется в следующем утверждении А. Гугнина: «произведение магического реализма в любом случае является строго продуманной параболой, своеобразной метафорой человеческого бытия вообще. Степень «зашифрованности» параболы может быть самой различной – важно лишь очевидное несовпадение времени и пространства «магического» произведения с реальным историческим временем и пространством; этот

«зазор» не может исчезнуть окончательно, ибо вместе с ним исчезнет и вся специфическая поэтика магического реализма» [1].

Внимания так же заслуживает то, что магический реализм, сосуществуя со многими другими направлениями, взаимодействует с ними, но никогда не перетекает и не растворяется в них. Уже поэтому углубленное сопоставительное изучение региональных и национальных вариантов магического реализма, по всей видимости, сможет внести довольно заметную коррективу в общую картину историко-литературного процесса в XX веке.

Изучение творчества отдельных писателей магического реализма кажется весьма перспективным в рамках «национальной модели мира». То есть магический реалист, стремится осознать и воспроизвести близкую ему картину мира, национальную и региональную. Но если бы на этом все заканчивалось, то по самому определению он не был бы уже магическим реалистом. Так что автор вместе с тем выходит за пределы этой так называемой «национальной картины мира»: он стремится найти моменты внерегиональные и вневременные, общезначимые и общечеловеческие.

Латиноамериканский магический реализм, о котором, мы говорим, базируется, в основном, на оригинальной переработке опыта разных литературных течений (таких как сюрреализм, экзистенциализм, и, собственно, магический реализм), и крупнейших европейских писателей XX века (начиная с Джойса и Кафки). Но это осмысление сопряжено с глубоким освоением национального, исторического и литературного опыта.

Латиноамериканские магические реалисты смогли вдохнуть новую жизнь в непопулярные европейские направления. На это повлияли некоторые факторы: во-первых они ввели элементы занимательности и детективности в сверхъестественное, по сути, повествование. Например, «Ураган» Астуриаса. Во-вторых, они добавили шутку, гротеск и абсурд. Например, «Сто лет одиночества» Маркеса. В-третьих, это высокоинтеллектуальная игра парадоксов человеческого сознания. Здесь можно взять за пример произведения Борхеса.

Таким образом, у персонажей произведений данного литературного направления, большей частью, личностное начало весомо приглушено. Герои, изначально, обозначены как обладатели группового мифологического понимания, нередко в портрет одного персонажа автор находит возможность вложить собирательный образ всего семейства или даже всего народа. Приемы такого рода совсем не приводят в удивление остальных персонажей, так как подобные явления, в рамках их мифологического сознания, абсолютно естественны.

Магический реализм предполагает такой способ повествования и изображения жизни, при котором материальный мир и предметная действительность сохраняли свой конкретный действительный облик, но при этом приобретали некое потустороннее значение, лежащее за пределами повседневного, предсказуемого, бытового существования. Вместе с тем, данный литературный феномен волей-неволей примитивизирует первичную действительность, так как она для него заранее.

Список литературы

1. Гугнин А. А. Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий // А. А. Гугнин. – М.: 2001. – С. 488.

2. Гугнин А. А. «Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления)» // А. А. Гугнин. – М.: Наука, 1998. – 242 с.

3. Шаршун С. «Магический реализм» // С. Шаршун. – М.: Числа, 1932. № 6. – С. 229 – 231.

© Декань К.Ю., Чемезова Е.Р., 2019